

Счастливая Тонечка

Недавно член общественного совета МО МО Звездное, член Совета ветеранов Антонина Ивановна Игнатова отметила свое 75-летие. Всю свою жизнь она живет в нашем Московском районе. Пятилетней девочкой ей довелось оказаться в блокадном городе, блокада подорвала её здоровье; у нее была и непростая послевоенная юность. А все равно о самой себе она говорит сегодня: я счастливая.

Когда началась война, в их семье было уже трое детей, а их маме – всего-то 19 лет. Отца сразу забрали на фронт. А мама Антонины Ивановны в эвакуацию ехать отказалась, ведь никто же тогда не знал, КАКАЯ война обрушилась на страну. Мама сказала просто: «Погибнем, так дома». К счастью, в их дом не попало ни одного снаряда, хотя семья жила на последнем, четвертом, этаже в доме, стоящем напротив Новодевичьего монастыря. Мама работала на трамвае. Уходила, бывало, на несколько суток, а дети оставались с бабушкой – маминной няней, Анной Наумовной, которая теперь стала приглядывать и за детьми своей бывшей подопечной.

Антонина Ивановна и сегодня помнит, как прямо в их двор падали снаряды. Обстрелов не боялись, наверно, дети не понимали еще толком ничего. Выбегали во двор, коллекционировали осколки, играли с ними. Во дворе стояли зенитки, ходили военные. Сначала малыши еще посещали детский сад, потом он закрылся. Чтобы не умереть с голоду, Тоня с сестрой сажали картошку; потому у нее сейчас и ревматизм, что по холодной земле босиком ходила в сентябре. Она вспоминает, что детям давали солодовое молоко и хвойную настойку от цинги, но цин-

пор благодарна им всем, хотя их, наверно, уже нет и в живых...

Частое занятие детей блокадного города – собирать лебеду, из которой их няня жарила котлеты на олифовом масле. А когда горели Бадаевские склады, вся окрестная ребятня бегала туда собирать жженный сахар.

Когда начинался обстрел, все прятались в самом надежном месте... – туалете, потому что три его стены были капитальными. Антонина Ивановна рассказывает, что к зиме пришел к ним домой заботливый управдом и забил окна фанерой, потому что раньше взрывной волной в них повыбивало все стекла. А когда стало холодно, то на окна перекочевали еще и все подушки с одеялами. Жили в темноте.

– Помню, мышки бегали у нас прямо под ногами – тоже голодные. Мы с ними играли, бантики им привязывали на хвостик.

Когда старшая сестра пошла

прыгали в них. Однажды во дворе школы после отбоя воздушной тревоги мы увидели убитую лошадь, принадлежавшую воинской части, которая стояла неподалеку. И дети, и учителя стали резать эту лошадь. Достался и нам кусочек. Вот так выживали. Еще помню свою учительницу – Евгению Ивановну. Она была мне как родная мать. Она и сейчас стоит перед глазами, как живая: в своем вечном сереньком свитерке. Четыре года она нас учила, заботилась о нас.

...Отец вернулся с фронта в 1945 году. Было поздно, когда он постучал в дверь. Он все время воевал на Ленинградском фронте. Вообще – то их семье было пять братьев. Дядя, самый младший, как-то сделал фотомонтаж их всех: и оставшихся в живых, и погибших на войне за Ленинград.

– Они ушли на войну такими молоденькими. Я помню, как трое из них – Нисифор и Веша-

«Быть ей портнихой». Так и случилось. После школы она узнала, что есть швейное училище, в котором надо учиться четыре года, и поступила туда. А после его окончания получила самый высокий, восьмой, разряд. Всю их группу распределили в ателье в Колпино. Это была романтика! Тогда еще электричек не было, и на работу они ездили на «паровике».

– Представляете, группа в 30 человек едет, – смеется Антонина Ивановна. – На работу надо было к семи утра, бывало, что и просыпали. Но нам повезло с директором: Я.Е. Давыдовым, который нам все прощал, потому что, когда надо было план выполнять, мы работали безотказно даже в выходные. У нас в ателье работал кройщик, который был в заключении. Его арестовывали как врага народа, а работал он до ареста секретарем ЦК Украины. Звали его Л.А. Маргулис. Мы с ним пол-

до самой пенсии. Так что в трудовой книжке Антонины Ивановны только одна запись и есть: Управление «Ленинградодежда». В 90-е годы, когда она уже была на пенсии, коллектив уговорил ее снова поработать. Таким образом, еще четыре года она отработала директором ТОО «Люкс». А в 60 лет уже окончательно по состоянию здоровья ушла на пенсию.

...Дома она разводит цветы, возле дома – клумбы. Как-то во дворе к ней подошла женщина и предложила поработать в Совете ветеранов. Антонина Ивановна согласилась. И вот девятый год она работает в Совете ветеранов. За ней закреплено шесть домов, за которые она отвечает. В разговоре она на все лады расхваливала свое муниципальное образование, которое старается привлекать пожилых людей ко всем праздникам и интересным делам.

– Для нас организуют

...малыши еще толком ничего. Выбегали во двор, коллекционировали осколки, играли с ними. Во дворе стояли зенитки, ходили военные. Сначала малыши еще посещали детский сад, потом он закрылся. Чтобы не умереть с голоду, Тоня с сестрой сажали картошку; потому у нее сейчас и ревматизм, что по холодной земле босиком ходила в сентябре. Она вспоминает, что детям давали солодовое молоко и хвойную настойку от цинги, но цинга все равно семью не миновала. У самой Антонины из-за нее болела нога, и в какой-то момент её хотели даже ампутировать. А потом случилось чудо.

— Как-то мы с бабушкой шли в поликлинику на перевязку, — рассказывает А.И. Игнатова, — а навстречу нам — солдаты. Они увидели, что у меня перевязана ножка, что я хромаю, и подозревали бабушку. Тогда на фронте только появилась стрептоцидовая мазь, ею-то они и поделились. Мне стали мазать ножку, и я пошла на поправку. До сих

его стены были капризными. Антонина Ивановна рассказывает, что к зиме пришел к ним домой заботливый управдом и забил окна фанерой, потому что раньше взрывной волной в них выбивало все стекла. А когда стало холодно, то на окна перекочевали еще и все подушки с одеялами. Жили в темноте.

— Помню, мышатки бегали у нас прямо под ногами — тоже голодные. Мы с ними играли, бантики им привязывали на хвостик.

Когда старшая сестра пошла в школу, Тоня стала ходить туда вместе с ней. Как тот Филиппок, а все потому, что в школе можно было поесть. Она находилась у Московских ворот. Правда, всю блокаду работала в районе только одна школа — 373-я — на Заставской улице. Ее позже окончила с золотой медалью старшая сестра. Когда дети шли в школу, бывало, что начинался обстрел и рядом с ними падали снаряды, но их от беды как-то бог уберег.

— Мы глупыми были, — грустно улыбается Антонина Ивановна, — разглядывали воронки,

живая: в своем вечном сереньком свитерке. Четыре года она нас учила, заботилась о нас.

...Отец вернулся с фронта в 1945 году. Было поздно, когда он постучал в дверь. Он все время воевал на Ленинградском фронте. Вообще — то их семье было пять братьев. Дядя, самый младший, как-то сделал фотомонтаж их всех: и оставшихся в живых, и погибших на войне за Ленинград.

— Они ушли на войну такими молоденькими. Я помню, как двое из них — Никифор и Вениамин — зашли к нам перед отправкой на фронт, оба в новеньких тулупчиках. Красивые. А потом их отправили в сторону Пулков, и в тот же день они там погибли.

Старшая сестра Антонины была очень способной девочкой, она училась исключительно на одни пятерки. Позже ее взяли в институт на Сталинскую стипендию. А Тоня любила побегать и на уроках в куклы поиграть, шить им любила. Учительница по географии говорила маме:

— Представляете, группа в 30 человек едет, — смеется Антонина Ивановна. — На работу надо было к семи утра, бывало, что и просыпали. Но нам повезло с директором: Я.Е. Давыдовым, который нам все прощал, потому что, когда надо было план выполнять, мы работали безотказно даже в выходные. У нас в ателье работал закройщик, который был в заключении. Его арестовывали как врага народа, а работал он до ареста секретарем ЦК Украины. Звали его Д. А. Маргулис. Мы с ним подружились, и он уговорил меня вступить в партию, даже дал рекомендацию.

После того, как она стала членом партии, ей предложили возглавить ателье по ремонту одежды, которое открылось на Пулковской, 11. А было Антонине тогда всего 20 лет. Работала она успешно. Их ателье занимало призовые места. О ней даже писали в газете «Вечерний Ленинград». Потом ее перевели работать в ателье люкс — на Московском, 125, где она и оставалась

...Дома она разводит цветы, возле дома — клумбы. Как-то во дворе к ней подошла женщина и предложила поработать в Совете ветеранов. Антонина Ивановна согласилась. И вот девятый год она работает в Совете ветеранов. За ней закреплено шесть домов, за которые она отвечает. В разговоре она на все лады расхваливала свое муниципальное образование, которое старается привлекать пожилых людей ко всем праздникам и интересным делам.

— Для нас организуют экскурсии по городу и пригородам — в комфортабельных автобусах, часто с обедами. Концерты хорошие проводят по праздникам. И депутаты у нас хорошие — В. Ягья и П. Зеленков, на мероприятия к нам приходят. 9 мая нас в такой ресторан пригласили — просто сказка — это такое уважение к ветеранам! Был оркестр, который играл именно нашу музыку, а солист пел наши любимые песни.

Дочь ее иногда журит, что она подолгу просиживает у телефона. Но ведь, если звонишь вете-

лись. Мне стали мазать пожку, и я пошла на поправку. До сих

тно улыбается Антонина Ивановна, — разглядывали воронки,

шить им любила. Учительница по географии говорила маме:

тать в ателье моего папы в Ленинском, 125, где она и оставалась

подолгу просиживает у телефона. Но ведь, если звонишь ветерану, — это значит, с ним надо поговорить. Иногда посидит она у телефона, и поднимается давление. Дочь говорит: «Бросай эту работу!» Но она неизменно отвечает отказом, «потому что тогда просто потеряю себя. Я этим живу».

Антонина Ивановна твердо уверена, что жизнь прожила счастливую, несмотря на то, что рано рассталась с мужем. У нее есть дочь, дружные и любящие родственники, много друзей. Она получила то образование, которое хотела. Работала по профессии. Сейчас тоже не оторвана от жизни. И ее уважают люди.

Светлана ПАВЛОВА

364 Женская школа Ленинграда 1950.

